

language variety; it differs according to the user and type of Internet situation (letter homophones, punctuation, capitalizations and other symbols, onomatopoeic spelling). The study also determines the ways and means in which the computer slang has grown (affixation, composition, abbreviation, semantical and phraseological derivation). Basic structural-semantical patterns have been described in the article. Some extralinguistic factors involved in the formation of the given lexical and phraseological units have been considered.

Keywords: slang, computer slang, literary norm, youth slang, dynamic processes, vocabulary, custom vocabulary.

Ю. Л. Дмитриева
(Горловка)

УДК 811.161.1

ОБРАЗНО-АССОЦИАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА 'БЕРЕЗА' (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ЕСЕНИНА)

Концепт имеет сложную структуру, включающую активный и пассивный признаки, а также внутреннюю форму. В. Маслова отмечает, что “с одной стороны, к ней относится все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает ее фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки, коннотации” [5, с. 40]. Не все элементы концепта, а зачастую и сами концепты, имеют языковое выражение. Это дает право исследователям утверждать, что в структуру концепта входит и образный компонент. Этой проблемой занимаются такие отечественные и зарубежные ученые, как Е. Селиванова, В. Карасик, С. Воркачев, В. Маслова, З. Попова, И. Стернин, Н. Алефиренко и др.

Целью данной статьи является вычленение и описание образной составляющей концепта ‘БЕРЕЗА’ в русской лингвокультуре на материале произведений С. Есенина.

Под термином “образ” мы, вслед за другими лингвистами, понимаем категорию сознания, воссоздающую разнообразные аспекты предмета: форму, объем, цвет, пропорции, положение в пространстве и т.п. [4, с. 200].

Отметим, что образ следует рассматривать не только как составную часть концепта, а как единицу универсального предметного кода – инструмента человеческого мышления. И. Стернин и З. Попова говорят о том, что предметно-чувственные образы кодируют знания [7, с. 40]. Образ несет рациональную информацию, которая становится основой для расширения представлений о денотате. Кроме того, сам чувственный образ неоднороден, в его состав входят, во-первых, перцептивные когнитивные признаки, возникающие при отображении окружающей действительности органами чувств человека; во-вторых, образные признаки, формируемые при метафорическом познании мира [7, с. 108].

Рассмотрим перцептивные когнитивные признаки, которые кодифицируются в словарных статьях. Так, “красный, кислый, теплый, прямоугольный и т.д. – подобные единицы метаязыка входят в словарные толкования многих слов” [7, с. 106].

В малом академическом словаре русского языка береза трактуется как “лиственное дерево с белой корой” [9 (1), с. 80]. Из этого определения обращает на себя внимание адъективы *лиственный*, т.е. имеющий листовую крону, и *белый*, т.е. имеющий светлый покров ствола, что выделяет его из семейства лиственных деревьев.

В словаре русского языка С. Ожегова дается более развернутое определение. “Береза – лиственное дерево с белой корой и сердцевидными листьями” [8, с. 40]. Здесь добавляется характеристика – описание формы листьев дерева. Итак, по лексикографическому значению определенной группы можно реконструировать чувственный образ. Однако этот образ вербализован не только в словарных статьях, но и в художественных текстах. Хотя тексты произведений художественной литературы относятся к вторичной картине мира, они дают представление о когнитивной картине мира представителя того или иного этноса. Это своеобразная передача аккумулированного опыта, познания действительности, хотя и неполная, что обусловлено кодированием знаний вторичными знаковыми системами. Однако в художественной картине мира сохранены важнейшие перцептивные когнитивные признаки денотатов.

Для примера возьмем язык поэзии С. Есенина: *Ты поила коня из горстей в поводу, / Отражаясь, березы ломались в пруду* [1, с. 34].

Первый признак, который можно выделить из этого стиха, – возможность произрастания дерева у пресной воды. Этот признак проиллюстрирован в следующем примере: *Здравствуй, златое затишье / С тенью березы в воде! / Галочья стая на крыше / Служит вечерню звезде* [1, с. 104].

Денотат концепта ‘БЕРЕЗА’ может произрастать и у жилых домов: *Показалась ты той березкой, / Что стоит под родимым окном* [1, с. 173].

Также в поэтических текстах автора береза выступает тем деревом, которое присуще русскому пейзажу: *И золотеющая осень, / В березах убавляя сок, / За всех, кого любил и бросил, / Листою плачет на песок* [1, с. 168]. *И, как по траве окосья / В вечеряющий покос, / На снегу звенят колосья / Под косницами берез* [1, с. 210].

Для актуализации именно этого признака автор использует прилагательное *русский*: *Эх, береза русская! / Путь-дорога узкая* [1, с. 161].

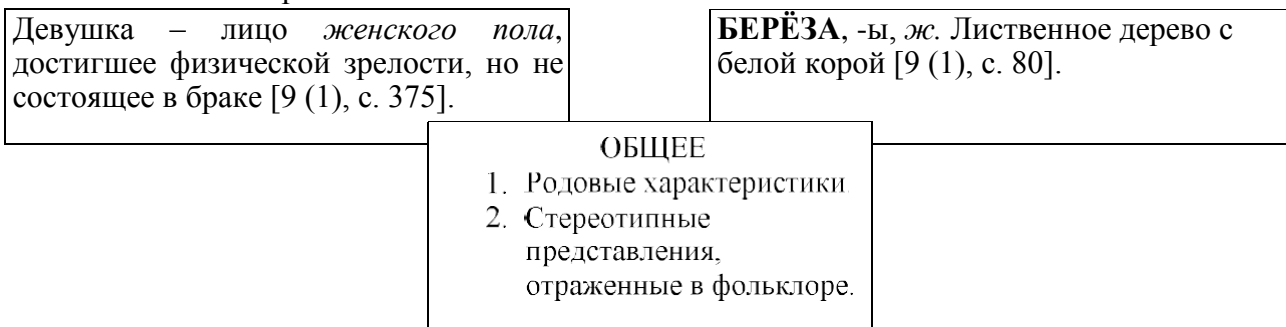
Другой признак – способность вербального знака березы выступать не только пассивной деталью пейзажа, но и активным участником описываемого. Так проявляется метафоричность текста, обусловленная тем, что “мышление не может в сколь-нибудь значительной степени обходиться без языка, а язык без метафорической деятельности, явной или скрытой” [11, с. 108].

Метафорическое мышление, по Э. Кассиреру, – это краткое обозначение концептуальной формы. Как поясняет суть метафорического рассмотрения мира другой лингвист – Х. Ортега-и-Гассет – есть такие объекты, которые мы не можем назвать с помощью знаковых систем. О них трудно составить четкое, ясное и отдельное представление. Поэтому человек вынужден обратиться к уже исследованному, чтобы, приняв его за “отправную точку, составить себе представление об объектах сложных и трудно уловимых” [6, с. 72]. Метафора – это процесс перемещения, который может быть описан как “семантическое движение; представление о таком движении скрыто в самом слове “метафора”, поскольку движение (*phora*), включено в значение этого слова, есть именно семантическое движение – тот происходящий в воображении двойной акт распространения и соединения, который обозначает существо метафорического процесса” [11, с. 83].

Вернемся к примеру со сравнением девушки с березой: *Показалась ты той березкой, / Что стоит под родимым окном* [1, с. 173].

Есть два конкретных понятия “любимая девушка” и “береза”, которые не связаны между собой, но обладают определенным набором признаков. В то же время в стихе есть более абстрактное понятие, которое вербализируется рядом словоформ-синонимов *дом, малая родина, отчий край, род*. Значение последнего слова заложено в имени прилагательном *родимым*.

Теперь проследим семантическое движение между тремя названными объектами онтологического мира.

Как видим семантическое движение происходит от конкретного объекта к другому конкретному объекту, а сходство частично и довольно условно.

Так же рассмотрим связь между *березой* и *домом*. Для этого обратимся к словарю. Словоформа *дом* имеет несколько значений: “1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. 2. Жилое помещение, квартира; жилье. 3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством” [9 (1), с. 425]. Из этого определения можно выделить семы ‘постоянное жилье’ и ‘семья’. Теперь необходимо

установить связь с *березой*. Мы можем сделать это на основе уже выделенных нами перцептивных признаков:

- возможность произрастания дерева у пресной воды;
- *возможность произрастания у жилых домов*;
- превалирование в описании пейзажа России.

Таким образом, *береза* – это часть представления поэта о родном доме, который воспринимается как абстрактное понятие, относящееся к ментальной, духовной сфере.

Мы рассмотрели процесс семантического движения, т.е. метафоризации. Однако перед нами встает два вопроса: естественность поэтической метафоры и понятие метафоры и других художественных тропов и фигур.

Обратимся к первой проблеме. Принято считать, что в поэтическом тексте метафора – плод фантазии автора. В то же время в статье Ф. Уилрайта отмечено, “...что действительно важно в метафоре, так это духовная глубина, на которую объекты внешнего мира, реального или вымышленного, перемещаются при помощи холодного жара воображения” [11, с. 83]. Это дает нам возможность сказать, что работа мысли, т.е. концентрация и компрессия чувственного опыта, неотъемлемая часть метафоры. Если же обратиться к определению лирики, жанром которой является рассматриваемый нами материал, то это “один из трех основных родов художественной литературы (наряду с эпосом и драмой), в котором действительность отражается путем передачи глубоких, душевных переживаний, *мыслей и чувств* автора”. Еще одним определением лирики является “Состояние, настроение, при котором эмоциональный элемент преобладает над рассудочным; *чувствительность*” [9 (2), с. 186]. В лирических произведениях находит выражение и актуализируется именно чувственный образ, который мы стремимся изучить и описать.

Теперь рассмотрим соотношение понятия “метафора” с другими художественными тропами и фигурами. В. Н. Телия отмечает, что “основная функция любого тропа состоит в образовании некоторого нового понятия и любой троп как “иносказание” (в самом широком понимании этого термина) возбуждает сеть ассоциаций, сквозь которую действительность, воспринимаемая сознанием, воплощается в языковой форме. Ассоциации, возбуждаемые в процессе формирования тропов – метафоры, метонимии, гиперболы и т. п., дают основание, усматривая сходство или смежность между гетерогенными сущностями, устанавливать их аналогию” [10, с. 173]. Итак, под метафорой понимаем весь комплекс образно-ассоциативных средств, который помогает получить новое знание, кодируя его вторичными знаковыми системами.

Определив терминологический аппарат нашего исследования, мы можем вернуться к описанию образных признаков, формируемых при метафорическом рассмотрении мира.

Рассмотрим метафору “предмет – предмет” в текстах художественных произведений С. Есенина. *Хорошо и тепло, / Как зимой у печки. / И березы стоят, / Как большие свечи* [1, с. 25]. В этом примере мы встречаем грамматический показатель сравнения – союз *как*. Если мы уберем его, то получим метафору “береза-свечка”: *На бугре береза-свечка / В лунных перьях серебра* [1, с. 29].

Рассмотрим набор признаков сравниваемых объектов.

“Береза”:

- дерево, имеющее белый покров ствола – кору;
- дерево, имеющее лиственную крону;
- дерево, имеющее сердцевидные по форме листья;
- возможность произрастания дерева у пресной воды;
- возможность произрастания у жилых домов;
- превалирование в описании пейзажа России.

“Свеча”:

- палочка из жирового вещества (как правило, воск);
- палочка с фитилем внутри;
- палочка, служащая для освещения [9 (4), с. 48].

Свеча тесно связана с архетипическим понятием “свет”, который, в свою очередь, актуализирует признак “белый”. Нами найдено частичное сходство и основа для утверждения полного тождества: цвет коры дерева и цвет материала свечи. *Я последний поэт деревни, / Скромн мой дощатый мост / За прощальной стою обедней / Кадящих листвою берез* [1, с. 107].

В этом примере нас интересует метафора “береза – кадило”, которая создает яркий образ церковной службы (Церковью служит “лоно природы”. При такой трактовке мы можем воспринимать приведенный стих в русле пантеизма). Кадило – металлический сосуд для курения ладаном при богослужении [6, с. 224]. Дым из сосуда струится рассеянно и поднимается вверх, по форме напоминая крону березы. Также здесь возможна индивидуально-авторская ассоциация с осенней березовой рощей: движение кроны и листьев на ветру, шум, создаваемый ими. *Троицыно утро, утренний канон, / В роще по березкам белый перезвон* [1, с. 38].

Тождество между гетерогенными сущностями “береза” и “перезвон” можно установить на основе зрительного и звукового восприятия, а также архетипических представлений.

В самой словоформе *перезвон* заключен основной перцептивный признак “звон”, т.е. звук определенной тональности. В роще скопление деревьев также может издавать звук определенной тональности. По этому частичному сходству метафора утверждает общность объектов.

При зрительном восприятии колоколен, стены которых выбелены, создается тождественность белоствольной березе.

Важно отметить и роль темпорального маркера: *Троицыно утро*, который актуализирует религиозные представления. Это и христианская троица Отец-Бог, Сын-Бог, Святой Дух, и языческие представления о воскрешении природы. Таким образом, в приведенном примере мы можем также усматривать идеи пантеизма, для формулирования которых автор использует метафорический образ концепта ‘БЕРЕЗА’.

Рассмотрим примеры антропоморфной метафоры “береза – человек (девушка)”: *Улыбнулись сонные березки, / Растрепали шелковые косы. / Шелестят зеленые сережки, / И горят серебряные росы* [2, с. 34].

Все построение стиха указывает на тождество между “березой” и “девушкой”. Рассмотрим предложенный зрительно-ассоциативный комплекс.

БЕРЕЗА

ДЕВУШКА

1) единица метаязыка <i>зеленый</i> ;	1) наличие косы;
2) использование омонима <i>сережки</i> – цветок дерева.	2) возможность носить украшение – сережки.

Кроме того дерево наделяется способностью выражать эмоции (*улыбнулись*), и может быть подвержено физическим состояниям человека (*сонные*). *Зеленая прическа, / Девическая грудь, / О тонкая березка, / Что загляделась в пруд? / Что шепчет тебе ветер? / О чем звенит песок? / Иль хочешь в косы-ветви / Ты лунный гребешок? / Открой, открой мне тайну / Твоих древесных дум...* [1, с. 98].

Лексемы *прическа, грудь, косы, гребешок, думы* на ментальном, анатомическом, узуальном уровнях характеризуют человека – девушку. Использование таких единиц метаязыка, как *зеленый, древесный*, актуализирует частичное сходство дерева и человека. При этом денотат концепта ‘БЕРЕЗА’ наделяется способностью чувствовать, мыслить, воспринимать, осознавать и продуцировать речь предметов неживой природы и людей: *И мне в ответ березка: / “О любопытный друг, / Сегодня ночью звездной / Здесь слезы лил пастух. / Луна стелила тени, / Сияли зелена. / За голые колени / Он обнимал меня...* [1, с. 98]. Этот пример также иллюстрирует частичное сходство двух конкретных предметов “дерево – человек”. Первое: выделяется частичное сходство морфологии дерева и анатомии человека, для актуализации этого признака используется омоним *колени*.

Колени:

- часть ног от сустава до таза;
- отдельное сочленение, звено, отрезок в составе чего-нибудь, являющегося соединением таких отрезков;
- изгиб чего-нибудь, идущего ломаной линией [8, с. 243].

Второе: способность к осмысленной речи, которую имеет и человек, и дерево.

Хороша ты, о белая гладь! / Греет кровь мою легкий мороз! / Так и хочется к телу прижать / Обнаженные груди берез [1, с. 99]. В приведенном стихе в основе частичного сходства двух объектов лежит цвет кожи человека и коры дерева – белый. Этот признак вербализует адъектив *обнаженный*.

Я сегодня влюблен в этот вечер, / Близок сердцу желтеющий дол. / Отрок-ветер по самые плечи / Заголил на березке подол [1, с. 114].

Анатомическая структура человека и одежда выступают основой для создания метафоры “береза – девушка”. Форма кроны дерева в этом примере подобна форме юбки, сарафана, платья, а ствол с разветвлением ветвей визуалью похож на строение человеческого тела: *Я навеки за туманы и росы / Полюбил у березки стан, / И ее золотистые косы, / И холщовый ее сарафан* [1, с. 173].

Ствол дерева в приведенном примере сравнивается с туловищем человека. Сходство белой с черными полосами коры с тканью дало основание для метафоры *холщовый ее* [березы] *сарафан*. Наличие гибких ветвей дает основание для сходства с длинными волосами, из которых возможно формирование прически. Цвет коры дерева является маркером описываемой поры года: *Злой октябрь осыпает перстни / С коричневых рук берез* [1, с. 257]. В этом стихе метафора “дерево – человек” формируется на основе сходства ветвей с руками и актуализируется с помощью прилагательного *коричневый*. Листья сравниваются с перстнями на основе спектральной близости золотого и желтого цвета.

Под березкою-невестой, / За сухим посошником, / Утирается берестой, / Словно мягким рушником [1, с. 208]. Метафора “береза-невеста” проводит тождество на основе возраста. “Невеста – девушка, достигшая возраста, при котором можно вступать в брак” [8, с. 343].

Итак, рассмотренные нами примеры метафоры “дерево – человек” построены на выделении частичного сходства и утверждении полного тождества двух объектов. “Именно это преувеличение, нарушающее границы истины, и придает ей поэтическую силу... Но и наоборот, не может существовать... метафоры, которая бы не открывала реальной общности” [6, с. 74]. В. Телия отмечает, что основой тропов является и антропометрический принцип, который формулируется так: “человек – мера всех вещей”. Он лежит и в основе формирования наивной картины мира, “которая находит выражение в самой возможности мыслить явления природы или абстрактные понятия как опредмеченные константы, как лица или живые существа” [10, с. 174].

Из сказанного можно сделать *следующий вывод*: в основе чувственного образа концепта ‘БЕРЕЗА’ лежат определенные когнитивные и образные признаки. Среди них:

- дерево, имеющее белый покров ствола – кору;
- дерево, имеющее листовую крону;
- дерево, имеющее сердцевидные по форме листья;
- возможность произрастания дерева у пресной воды;
- возможность произрастания у жилых домов;
- превалирование в описании пейзажа России;
- идентичность цвета коры цвету воска дает возможность утверждать тождество “береза – свеча”;
- визуально можно установить тождество “береза – колокольня”;
- через звуковое восприятие выделяем признак “береза = перезвон”;
- одушевленность дерева согласно антропометрическому канону.

Данное исследование является первым этапом для создания методики вычленения и описания образной составляющей концепта.

Литература

1. Есенин С. А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы / С. А. Есенин. – М. : Сов. Россия : Современник, 1990. – 480 с.
2. Есенин С. А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. Стихотворения. Проза. Статьи. Письма / С. А. Есенин. – М. : Сов. Россия: Современник, 1990. – 384 с.
3. Кассирер Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. [Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 33–43.
4. Макеева Н. С. Роль образного компонента в формировании структуры концепта (на примере концепта “богатство”) [Электронный ресурс] / Н. С. Макеева // Филология. – 2009. – С. 200–202. – Режим доступа к статье: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/makeyeva_93_200_202.pdf.
5. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие / В. А. Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. [Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 68–81.

7. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
8. Словарь русского языка [авт. Ожегов С. И., под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой]. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
9. Словарь русского языка [под ред. А. П. Евгеньевой]. – М.: Рус. яз. – Т. 1 : А-И. – 1981. – 698 с.; Т. 2 : К-О. – 1983. – 736 с.; Т. 4 : О-Я. – 1984. – 796 с.
10. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–204.
11. Уилрайт Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. [Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 82–109.

Аннотация

Ю. Л. Дмитриева. Образно-ассоциативный компонент концепта ‘БЕРЕЗА’ (на материале произведений С. Есенина)

В статье рассматриваются основные подходы к образно-ассоциативному компоненту концепта: неоднородность чувственного образа, трактовка когнитивного образа, превалирование антропометрического канона при метафорическом рассмотрении действительности. Анализируются перцептивные и когнитивные признаки концепта ‘БЕРЕЗА’ на материале произведений С. Есенина, формулируется образно-ассоциативная составляющая рассматриваемого концепта.

Ключевые слова: *концепт, образ, метафора, дерево, антропометрический принцип, гетерогенные объекты.*

Анотація

Ю. Л. Дмитрієва. Образно-асоціативний компонент концепту ‘БЕРЕЗА’ (на матеріалі творів С. Єсеніна)

У статті проаналізовано основні підходи до образно-асоціативного компонента концепту: неоднорідність чуттєвого образу, потрактування когнітивного образу, превалювання антропометричного канону при метафоричному розумінні дійсності. Досліджено основні перцептивні та когнітивні ознаки концепту ‘БЕРЕЗА’ на матеріалі поезій С. Єсеніна, сформульовано образно-асоціативну складову розглядуваного концепту.

Ключові слова: *концепт, образ, метафора, дерево, антропометричний принцип, гетерогенні об’єкти.*

Abstract

J. L. Dmitrieva. The Figurative and Associative Component of the Concept ‘BIRCH’ (based on poems by S. Yesenin)

This article deals with linguistic and cognitive peculiarities of the concept ‘BIRCH’ and specifies its actualization in the language of S. Yesenin’s poetic works. The focus is on the figurative-associative component of the concept. The definition of the image is given in the article. The emphasis is on its heterogeneity. Some approaches to the understanding of metaphor are considered. Two groups of metaphors are singled out and analyzed: “subject – subject”, “subject – person”. The influence of the anthropometrical principle on the identification of heterogeneous subjects is specified. The metaphor phenomenon in poetry is considered in the paper. The principles of metaphorical actualization of the concept “BIRCH” are analyzed. The possibility of the expansion of the concept “metaphor” on other

figures of speech is formulated. Some prospects for further investigation are specified.

Key words: *concept, image, metaphor, anthropometrical principle, heterogeneous subjects.*